

тые зерном, пролетали над Краснодоном, где люди страдали от голода. Потом и молодежь стали угонять в немецкую неволю. Плачем и стоном наполнилась украинская земля.

А в конце августа 1942 года в городском парке Краснодона немцы закопали в землю партию арестованных шахтеров и служащих. Среди них были женщины и дети. Их заставили выкопать яму, стать в нее и, связав каждой пятерке проволокой руки, живых начали засыпать землей. Того, кто сопротивлялся, пристреливали на месте.

Это было ночью, часов в одиннадцать. Выходить на улицу немцы запретили после семи часов вечера. Наступала душная, черная ночь. Душно и черно было и у нас на сердце. Спать я не могла, и мы сидели с Олегом в саду на лавочке.

Ясные звезды смотрели на нас сверху. Глядя на них, мне представилось, что сейчас на эти же звезды смотрят наши люди по ту сторону Родины, смотрят красноармейцы и командиры из своих окопов, смотрит Сталин и что они все знают о наших муках и скоро придут на выручку.

Не знаю, о чем думал Олег. В последнее время мы часто сидели с ним рядом молча. Потом проверяли, и оказывалось, что думали мы об одном и том же.

Вдруг откуда-то, из самой глубины черной ночи, донесся какой-то странный звук, словно тонкая струна лопнула. Занятая своими думами, я не обратила на это внимания. Но Олег вскочил с лавки, крепко стиснул мне плечо сильной рукой:

— Мама, слышишь?

Со стороны городского парка раздался два-три торопливых выстрела, а за ними такой отчаянный и тоскливый детский крик, что сердце, казалось, перестало биться. Ужас охватил меня. Я прижалась к сыну.

— Мама, — воскликнул он, — это их казнят!